

В знаменитой речи Достоевского о Пушкине есть такие строки: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем».

И вот настал наш черёд разгадывать тайну творчества самого Достоевского, его личности, глубинного смысла созданных писателем великих произведений.

Нам интересен весь Достоевский, без изъятия, поскольку и жизнь Фёдора Михайловича, и его творчество – одно неразрывное целое. В его книгах отражено всё – и трагические повороты его личной судьбы, и эволюция убеждений, и философские искания. И не только. Кажется, вся наша человеческая жизнь с её светом и тьмой представлена в его творениях.

«Почитать Достоевского – за голову схватиться», – писал Василий Розанов. – «Ничего не вижу», «полная тьма», «дни и ночи не различаю». Но одно он совершил: «праведное», «поэтическое бревно, лежавшее поперёк нашей русской, да и европейской улицы он так потряхнул, что оно никогда не придет в прежнюю спокойную и счастливое положение уравновешенности. Гений Достоевского покончил с прямолинейностью мысли и сердца; русское познание он невероятно улубил, но и расшатал... Осозоримся, что тяжёлою ароматом нашего общества Достоевский не только еще не понят, но и не прочитан внимательно, задумчиво...».

Альберт Эйнштейн признавался, что Достоевский даёт ему больше, чем любой учёный, вызывая этический порыв непреодолимой силы.

И уже наш современник – писатель Валентин Распутин в конце своей жизни говорил, что Достоевский стоит не в ряду самых великих имён мировой литературы, впереди или позади кого-то, а над ними, выше их. Это писатель другого горизонта, где ему нет равных. «Человеческая мысль дошла в нём, кажется, до предела и заглянула в мир за пределами... благодаря Достоевскому. Человек в миру узнал о себе слишком многое, к чему он, судя по всему, не был готов».

Да, Достоевского надо разгадывать и постигать. Он оставил нам богатейшее литературное наследие. При жизни писателя наиболее высоко оценивались роман «Преступление и наказание» и «Записки из Мертвого дома». Затем недосегаемой вершиной стал восприниматься его последний роман «Братья Карамазовы». А к середине XX века достоевисты остановились, наконец, на пяти книгах, обозначив их как «великое пятикнижие»: «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы».

Мы же предлагаем читателю вновь перечитать или даже для себя и открыть два романа: «Идиот» и «Бесы». У двух этих очень разных по своей направленности романов есть и то, что их объединяет: и в XIX, и в XX веках именно эти произведения подвергались наибольшей критике, а многими были просто не поняты. Даже и при всем том, что они оказались пророческими в самых что ни на есть духовных мечтаниях и полных тревоги предостережениях, до сих пор остается до конца не осмысленным опыт потрясений и катастроф, пережитых не только Россией.

А ныне, в начале нового тысячелетия, когда, кажется, уже весь мир поделился на «бесов» и «идиотов», эти произведения стали еще более актуальны. Вечные и для Достоевского самые важные вопросы о справедливости, жизненных ориентирах и идеалах с особой остротой встанут перед нынешней Россией, оказавшейся в своем, скажем так, отпетейшем переходном периоде. Увы, это эпохи меняются, а вопросы о том, что такое человек и что человека достойно, до сего дня остаются прежними.

Именно 60-70-е годы XIX века, когда писались романы «Идиот» и «Бесы», истории называют временем «великих реформ». Александром II, которого потом назовут Освободителем, было отменено крепостное право, в результате которого 30 миллионов крестьян получили свободу. Были решены также и некоторые другие давно наиболее социальные-экономические проблемы, мешаю-

щие экономическому и правовому развитию государства. Но под влиянием консервативных кругов даже такие важные, как судебная и земская, все же были проведены лишь частично.

И это лишь накалило протестные настроения в обществе, разночинная и студенческая молодежь собиралась в кружки, выступала против самодержавия. В апреле 1866 года в Петербурге студент Каракозов стрелял в царя и был казнён. Но это лишь усилило революционные настроения. В России поднялась волна террора, и только на самого царя-освободителя было совершено шесть покушений.

Ответная реакция власти не минула судьбы также и Фёдора Михайловича Достоевского, который, конечно же, не мог оставаться в стороне от

Игорь ЯНИН

Мечтатель и пророк

К 200-летию Достоевского

политических событий, охвативших Россию, и оказался причастным к кружку «петрашевцев». И сначала ему довелось выслушать приговор к смертной казни, а затем пройти сквозь каторгу и ссылку («...много раз швырлял меня жизнь туда и сюда и изумляла иноюда своими вариациями...» – подытожит он потом).

Но... в 1867 году, когда политизированная публика охотней всего воспринимала тургеневского Базарова и герценовский роман «Былое и думы», он начинает писать роман с неожиданным, если не сказать странным, названием «Идиот». И замысел этого романа в письме Аполлону Майкову от 31 декабря 1867 года Достоевский изложил так: «Давно уже мучила меня одна мысль, но я боялся сделать из неё роман, потому что мысль слишком труд-

ги, корысть, зависть, злоба? Но по этой причине и роман трагичен. Мышкину, этому «князю-Христу», который простосердечно вмешивается в судьбы других персонажей, никого не удаётся спасти или оспастивить. Попибают и прекрасная Настасья Филипповна и неистовый Парфён Рогожин. И сам князь оказывается в доме для умалишённых.

Возможно, такая столь неожиданная коллизия романа и сам главный его герой стали причиной того, что многие критики, да и читатели, роман не поняли и посчитали его неудачным.

«Какое-то уже слишком непосредственное и поверхностное понимание жизни и ее явлений», – писал Салтыков-Шchedрин, современник Достоевского. – С одной стороны, у него являются лица, полные жизни и правды, с другой – какие-то за-

ная и я к ней не подготовлен, хоть мысль вполне сообразительная и я люблю её. Идея эта – изобразить вполне прекрасного человека. Труднее этого, по-моему, быть ничего не может, в наше время особенно». «Мечтателем» назвал бы Федора Михайловича всегда рассудительный Аполлон Николаевич, если бы знал, кого под «вполне прекрасным человеком» подразумевает этот бывший политический каторжник.

Почти два года писал Достоевский «Идиота». А это был один из самых тяжелых периодов его жизни. Он вынужден был, в прямом смысле слова, сбежать из России от бесчисленных кредиторов, обитал в Германии и в Швейцарии. И именно во время работы над «Идиотом» умерла его маленькая дочка, не дожив и до трёх месяцев.

И всё же этот самый загадочный роман затем оставался одним из самых любимых произведений писателя.

Так кто же он этот князь Лев Николаевич Мышкин, этот «положительно прекрасный человек»,

гадочные и словно во сне мечущиеся марионетки, сделанные руками, дрожащими от знева».

А уже в XX веке об «Идиоте» отзывался Василий Розанов так: «Странный колорит лежит на этом романе; все фантастично здесь, и вместе как будто это фантастическое – звездный, мерцающий свет, падающий на серую нашу действительность из далекого, далекого будущего».

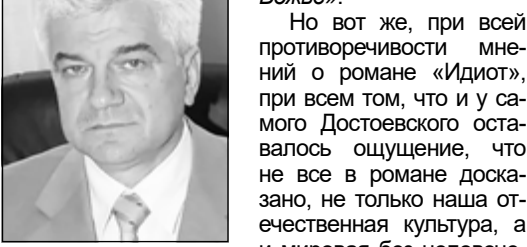
В наши же дни о романе наиболее точно и современно, на мой взгляд, сказал патриарх Кирилл: «Идиот» – это вечное размыливание о чистоте и грязи, о справедливости и бесчестии, о цене и важности земной жизни и человеческой души...

Многие люди, живущие по христианским заповедям, до сих пор производят впечатление не вполне нормальных. Наверное, кто-то из молодежи сталкивался с тем, что сверстники им говорят: «Ну что же ты не пойдешь с нами погулять на дискотеку, а что ты не хочешь «колынуться», ты что, не от мира сего?». Для некоторых это и есть «идиотизм», то есть

выпадение из стереотипа. Именно это и сказал у Достоевский, представляя этот дивный образ князя Мышкина».

Опять же, патриарх Кирилл свое внимание обратил на Достоевского не только как на великого писателя. Христос для Достоевского, по определению Юрия Селезнёва, это идеал, который нельзя «подправлять, принаравливать к своим целям. Напротив, свои цели необходимо поверять этим вековечно неизменным идеалом».

Позиция писателя характеризуется Юрием Селезньевым как позиция ученика, ощущающего себя «устами, произносящими Слово Божье».

Но вот же, при всей противоречивости мнений о романе «Идиот», при всем том, что и у самого Достоевского оставалось ощущение, что не все в романе досказано, не только наша отечественная культура, а и мировая без челове-

ского образа князя Мышкина будет уже не полной. Один из самых красноречивых тому примеров, это когда не где-нибудь в Европе, а в стране с особым исторически сложившимся типом культуры, в Японии, одна лишь экранизация режиссером Акирой Курасавой романа «Идиот» в 1951 году не просто открыла для японцев Достоевского, а и поставила в ряд их культурных писателей.

Самое же удивительное заключается не в том, что место действия романа Курасаве удалось перенести в Японию, и не то, что японцы своему режиссеру поверили, а в том, что в нашем «князе Христе» и посланики «из далекого, далекого будущего» они знали собственную, японскую, живую душу.

А что касается Европы, то на французский, английский и немецкий языки Достоевского начинают переводить со второй половины 80-х годов XIX века. Одновременно стали появляться и значительные исследования его творчества. А в XX веке уже и изучался феномен всемирной моды на Достоевского. Так что когда уже в наше время римский папистифик Франциск у себя в резиденции принимал высшее руководство нашей страны, то на самом видном месте его стола лежал том Достоевского, и этим подчеркивался как особо высокий именно культурный статус России.

Своя непростая судьба была и у романа «Бесы», вышедшего уже через три года после «Идиота». И если говорить об этих двух романах как о противоположных (в одном главный герой «не от мира сего», а в другом душами людей пытаются завладеть «разны бесы»), то это именно тот случай, когда можно самим фактом нашего не просто понимания, а и особо острого чувствования этой противоположности, признать существование между романами несомненного смыслового единства.

Поводом для написания романа «Бесы» стали события 1869 года: группа молодых людей, которыми руководил анархист Нечаев, убила в Петровском парке Москвы студента Иванова, подозревая его в предательстве революционных идей. Дело имело большой резонанс в обществе, поразило оно и Достоевского.

Весной 1870 года Достоевский сообщал своему другу, критику Николаю Страхову: «На вещь, которую я теперь пишу в «Русский вестник», я сильно надеюсь, но не с художественной, а тенденциозной стороны; хочется высказать несколько мыслей, хотя бы при этом пострадала художественность. Но меня увлекает накопившееся в уме и сердце; пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь».

Да, «Бесы» – самый политизированный роман в творчестве писателя. Прежде всего, он направлен против «нечаевщины», терроризма, против радикальных движений, захватывающих умы молодежи. Но в этом лишь верхний слой романа, на самом деле он гораздо шире и глубже.

Сначала Достоевский хотел сделать главным героем «Бесов» Петра Верховенского, который появляется в захолустном губернском городе и начинает, что называется, мутить воду, сколачивать революционный кружок. Личность преотвратительнейшая – провокатор, манипулятор, мошенник, человек без всяких моральных правил.

Впрочем, сам же Верховенский вполне осмысленно формулирует собственное отношение к такому роду бесов: «Наши не те только, которые режут и жуют, да делают классические выстрелы или кусаются. Такие только мешают... Слушайте, я их всех считал: учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают!».

Но потом Фёдор Михайлович изменяет свой замысел, на передний план он выводит Николая Ставрогина – красавца, эдакого очень яркого персонажа. Он всем нравится, его обожают женщины, у него острый ум. Но какое-то холодное и лилое сердце. А поскольку у Достоевского все неоднозначно, фамилия его происходит от слова «став» (по-гречески «крест»). И многие критики отмечали, что именно этот образ позволил автору значительно расширить также и смысловое пространство романа «Бесы».

Истинный демон – он, Николай Ставрогин. Не случайно Верховенский именно его хочет сделать главной фигурой революционного заговора. «Вот когда мы расшатываем ситуацию, тогда мы выведем на сцену вас, Ивана-царевича... Вы придёте, и вы возложите наш бунт».

Но Ставрогин, ничего не возглавив. Духовное опустошение и распад личности привели его к самоубийству. Поскольку «бесовщина» – это тот род безумия, которое неудержимо не только в стремлении к разрушению, а и к самоуничтожению.

Разумеется, критика и либеральная общественность встретили роман прохладно, если не сказать враждебно. И при жизни Достоевского в свет вышло только одно издание книги. А в советское время роман был просто запрещён. Существовала даже такая байка: когда в 1918 году Луначарский объявил конкурс на лучшую надпись на памятник Достоевскому, в негласном голосовании победила такая: «Фёдору Михайловичу от благодарных бесов».

То есть, ещё за полвека до событий рокового 1917 года и страшной гражданской войны Достоевский сумел разгадать назревавшую катастрофу. Уже тогда он увидел в российском обществе тех еще не знакомых «новых людей», для которых целью является не созидание, а разрушение всего и вся, которые ради власти над человеческими душами и судьбами готовы на любые преступления.

А как известно, нет пророка в своём отечестве. И в наше время тоже.

Но вряд ли русский мечтатель Достоевский стал бы писать свой пророческий роман, если б не было у него самой горячей веры в бесконечные возможности и силу человеческого духа. Вот и художник Илья Глазунов, создавший замечательные иллюстрации к произведениям нашего классика, не мог не признать, что «Достоевский – самый оптимистичный писатель». Или, как отметил профессор Московской духовной академии Алексей Осипов: «Федор Михайлович Достоевский принадлежит к той сравнительно небольшой части человечества, которая именуется людьми живыми, людьми, несущими в себе огонь, никогда не перестающий возгоревать их души в искании Истины и следовании ей».

Читайте и разгадывайте романы нашего великого писателя. Пусть также и в вашем личном ощущении всего нашего человеческого мироздания наравне с реальными, вам известными историческими личностями и вашими современниками живут также и его герои, светлые и темные тайны которых великий писатель сумел приоткрыть.

(Начало – стр. 4-5)

Тут ещё можно заметить, что в какой-то момент он существенно расширил диапазон своих «мистических беседников». Это случится, когда они вместе с поэтом Сергеем Городецким обмозгуют и создадут целое направление в поэзии, которое назовут акмеизмом. Его суть или суть его философии в том, что любое существо и явление, созданное природой для земной жизни, – божественно. Именно от этого в какой-то период времени поэт даже сменил аудиторию своих воображаемых слушателей, о чём в стихотворении «Я и вы» скажет:

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришёл из другой страны,
И мне нравится не гитара,
А дикийский напев зурны.

Не по залам и по салонам
Тёмным платьям и поджакам –
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам...

Правда, следует заметить – в силу своего дарования он выходил далеко за пределы им же созданного направления, что присуще любому крупному поэту, которому тесны любые рамки.

И главенствовало в нём не направление или философия, а неземной силы земная любовь, о которой в цикле «Посредние странствия земного» он скажет:

Из букета целого сирени
Мне досталась лишь одна сирень,
И всю ночь я думал о Елене,
А потом томился целый день.

Всё казалось мне, что в белой пене
Исчезает милая земля,
Расцветают влажные сирени
За кормой большого корабля.

И за огненными небесами
Обо мне задумалась она,
Девушка с газельными глазами
Моего любимейшего сна.

Сердце прыгало, как детский мячик,
Я, как брату, верил кораблю,
Оттого что мне нельзя иначе,
Оттого что я её люблю.

И в этом же цикле:
Мой альбом,

где страсть сквозит без меры
В каждой мной отпеченной строфе,
Дивным покровительством Венеры
Сласся он от аутодафе...

Действительно, трудно представить, как могла бы Венера не покровительствовать «отпеченной строфе» такого «летающего и земного» и такого верного своего подданного.

Несмотря на любовные драмы, о которых немало написано, женщинами он увлекался и был любим настолько, что, казалось бы, шутливое стихотворение, которое сейчас приве-ду, звучит из его уст с большой долей истины:

Он покаялся в строгом храме
Перед статуей Мадонны,
Что он будет верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны.

И забыл о тайном браке,
Всюду ласки рсточая.
Ночью был зарезан в браке
И пришёл к преддверьям рая.

«Ты ль в моём не клялся храме, –
Прозвучала речь Мадонны, –
Что ты будешь верен даме,
Той, чьи взоры непреклонны?»

Отойди, не эти жатвы
Собирает царь небесный,
Кто нарушил слово клятвы,
Гибнет, Богу неизвестный!».

Но печальный и упрямый,
Он припал к ногам Мадонны:
«Я нигде не встретил дамы,
Той, чьи взоры непреклонны».

Продолжая разговор о природе стиха, он выразит такую мысль: «Стихотворение... возникая из духа поэта, становится особым организмом... сочетания слов, дополняя одно другое, ведут к определенному впечатлению и... наше внимание привлекает звуковая сторона стиха (ритм, рифма, сочетание гласных и согласных)...». И в стихотворении «Credo» у поэта об этом же:

Откуда я пришёл, не знаю...
Не знаю я, куда иду,
Когда победно отблстаю
В моём сверкающем саду...

Мне всё открыто в этом мире –
И ночи тень, и солнца свет,
И в торжествующем эфире
Мерцанье ласковых планет.

Я не ишу больного знанья
Зачем, откуда я иду;
Я знаю, было там сверканье
Звездой, любозающей звезду...

И жарким сердцем, веря чуду,
Поняв воздушный небосклон,

В каких пределах я не буду,
На всё наброшу я свой сон.

Всегда живой, всегда мозгуций,
Влюблённый в чары красоты.
И вспыхнет радуга созвучий
Над царством вечной пустоты.

Как вспыхнула его «радуга созвучий» теперь знают все. Немного позже в стихотворении «Солнце духа» он скажет о том, как душа «получает толчок из внешнего мира»:

...Расцветает дух, как роза мая,
Как огонь, он разрывает тьму.
Тело, ничего не понимая,
Слепо повинуется ему.

В дикой прелести степных раздолой,
В тихом таинстве лесной глуши
Ничего нет трудного для воли
И мучительного для души.

Чувствую, что скоро осень будет,
Солнечные кончатся труды
И от древа духа снимут люди
Золотые зрелые плоды.

И дальше вновь вернёмся к статье «Жизнь стиха»: «...прекрасные стихотворения, как живые существа, входят в круг нашей жизни; среди них есть ангелы-хранители, мудрые вожди, искусители-демоны и милые друзья. Под их влиянием люди любят, враждуют и умирают. Для многих отношений они являются судьями...».

Здесь он размышляет не о своих стихотворениях, а приводит примеры из

стихов Брюсова, Вячеслава Иванова, Анненского, Блока. О своих же потом в стихотворении «Мои читатели» напишет так:

Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Припал ко мне чёрного копыеносца
С приветом,

составленным из моих стихов.
Лейтенант, водивший канонерки
Под озём неприятельских батарей,
Целую ночь над южным морем

Читал мне на память мои стихи.
Человек, среди толпы народа
Застреливший

императорского посла,
Подожёл пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.

Много их, сильных, злых и весёлых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, весёлой и злой,
Возят мои книги в седенькой сумке,

Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.

Я не оскорбляю их неврастенией,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю

многочисленными намёками
На содержимое выеденного яйца,
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.

С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно Его суда.

Последний месяц лета 1921 года станет последним в его жизни. Третьего августа 1921 года поэта по ложному обвинению арестуют, а в ночь с 26 на 27 – расстреляют. Но даже в тот – трагический для него – месяц он всё себя так, что и сегодня мы говорим о нём с восхищением, хотя боль утраты от этого не ослабевает.

Согласившись, что ни в едином слове о себе он не лукавит. Больше того, будто видел, как уйдёт в вечность, или предсказал судьбу в последних строчках этого стихотворения.

Ведь так у него и случилось: «с простыми мудрыми словами»: взял 3-го августа в тюрьму на Шпалерной Евангелие и Гомера, оттуда писал жене ободряющие слова и «ждал спокойно Его суда».

И об этом незадолго до той трагической ночи с 26 на 27 августа он написал в своём последнем, малоизвестном стихотворении, которое впервые опубликовано установившим его авторство издателем и славистом Никитой Алексеевичем Струве в 1970 году:

В час вечерний, в час заката
Каравеллю крылатой
Проплывает Петроград,

И горит над рдяным диском
Ангел твой на обелиске,
Словно солнца младший брат.

Я не трушу, я спокоен,
Я моряк, поэт и воин,
И подкасаю палячу.

Пусть клеимт клеимом позорным,
Знаю – суэтом крови чёрной
За свободу я плачу.

За стихи и за отвагу,
За сонеты и за шлагу,
Знаю, строгий город мой,
В час вечерний, в час заката
Каравеллю крылатой
Отвезёт меня домой.
Он и на сей раз оказался прав. И хотя «строгий город» не отвёз его домой в буквальном смысле, но «за свободу... за стихи и за отвагу, за сонеты и за шлагу» он остался в памяти людей как благородный рыцарь и великий поэт, однажды сказавший, что «слово – это Бог», и ни разу этого не изменивший.

Григорий БЛЕХМАН

АНО «Газета русских писателей “ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”»

Учредитель – Союз писателей России

Свидетельство о регистрации от 12.04.2019

№ 1197700005513

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, каб. 109

Тел. редакции: 8 (916) 015-80-69

Наш сайт: denliteraturi.ru

Электронный адрес: denlitera@yandex.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда» (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 4 000

Главный редактор –

Валентина ЕРОФЕЕВА